

За несколько простых разговоров Фэн Цзяронг решил не упоминать о проблеме акций. Опасаясь, что это еще больше разозлит Фэн Цайцзе и ухудшит ситуацию, он вынужден говорить что-то другое: "Цайцзе, я просто пришел повидаться с тобой сегодня. Вот и все, я не имел в виду ничего другого, я был рад видеть, что с тобой все в порядке".

На самом деле, он вовсе не хотел брать назад свои слова. Поскольку Се Цяньнин была готова спасти людей за миллиард, он верил, что она не предаст Фэн Цайцзе, поэтому капитал в ее руках был таким же, как и в руках Фэн Цайцзе.

"Ты действительно здесь, чтобы просто взглянуть?" Фэн Цайцзе не поверил и насмешливо спросил: "Я не думаю, что ты здесь только для того, чтобы посмотреть". Когда председатель Фэн стал более раздражительным, он даже не ругался. Это странно".

"Ты мой сын. Разве есть что-то плохое в том, что я вижу тебя?"

"Не говори ни о чем высокопарном, я не хочу тратить время на ерунду с тобой, просто поговори о цели твоего сегодняшнего прихода, а закончив, уходи, чтобы не получить в глаз".

"Почему ты вынуждаешь меня так?"

"Раз уж ты не говоришь о цели своего сегодняшнего прихода, пожалуйста, возвращайся".

"Фэн Цайцзе" Фэн Цзяронг был немного раздражен, но не осмелился рассердиться, поэтому ему пришлось терпеть. Раньше он злился, когда хотел разозлиться, и никогда не подавлял себя таким образом, но теперь у него даже нет квалификации, чтобы злиться, и он все больше и больше контролируется другими.

Это чувство очень неприятно.

Независимо от своих нынешних чувств, Фэн Цизе продолжал равнодушно управлять людьми: "Теперь Цянь Нин пора сделать перерыв на обед, пожалуйста, уходите, не мешайте моей жене и детям."

"Цайцзе, давай присядем и хорошо поговорим, хорошо?" Фэн Цзяронг подавил гнев в своем сердце и сказал умоляющим тоном, уже без бывшего величия.

"Хорошо, садись и говори медленно. Я приготовлю для тебя чай."

"Се Цяньнин неожиданно прервалась и уже начала готовить чай, желая, чтобы отец и сын хорошо поговорили."

Но Фэн Цайцзе не захотел и крикнул ей: "Не надо готовить чай. Мне не о чем с ним говорить. В конце концов, это все те же вопросы. Одно и то же повторяется снова и снова. Слишком много, я устала говорить, я не хочу больше ничего говорить".

"Маленькая обезьянка..."

"Я не позволю твоему сочувствию произвольно переполнять тебя. Этот вопрос не обсуждается. Я просто не говорю об этом".

"Между отцом и сыном в этом нет необходимости".

"Когда это я и он были отцом и сыном?"

"Это..." Се Цяньнин потерял дар речи, опустил чай в руке, не стал продолжать пить, а беспомощно посмотрел на Фэн Цзярона, выражая, что не может помочь.

Если маленькая обезьянка действительно упорствует, никто не сможет изменить его решение, и она не исключение, поэтому она действительно не может помочь в данный момент.

Гнев в сердце Фэн Цзярона был немного неконтролируемым. Изначально он хотел не торопиться и не спешить с решением этого вопроса, но поскольку он был зол, он высказался, невзирая на последствия: "Раз уж я заговорил об этом, я просто скажу: "В любом случае, нам не о чем говорить. Я хочу, чтобы ты владел 60% акций империи Фэнши".

"Ха-ха-", - Фэн Цайцзе яростно усмехнулся, услышав эту просьбу. "Тебе стыдно обращаться с такой просьбой. Неужели ты думаешь, что я дам тебе его?"

"Если ты отдашь мне 60% капитала, я обещаю, что в будущем больше не приду к тебе. Вы будете жить своей счастливой жизнью, а я - своей, и в будущем мы не будем иметь друг с другом ничего общего".

"Ваше обещание не имеет для меня никакого доверия. Пока у тебя есть эти 60% капитала, я обещаю, что ты не посмеешь больше беспокоить нас, поэтому я не отдам его тебе. Ты мертв с этим сердцем. Верно."

"На этот раз я обещаю не делать этого".

"Я сказал, что ваше обещание не имеет для меня доверия. Можешь больше не обещать, я не верю".

"Я должен забрать эти 60% капитала. Не заставляй меня использовать чрезвычайные средства". Фэн Цзяронг посмотрел на Се Цяньнин злобным взглядом, его глаза остановились на ее пухлом животе, хотя в его сердце было что-то. Я не могу этого вынести, но он ничего не может поделать, что он должен сделать, иначе ему придется сесть в тюрьму.

Видит Бог, ему сейчас очень не хочется бороться против них двоих. Он и раньше не хотел, а теперь и подавно.

Се Цяньнин немного испугался, когда встретился с его сердитыми глазами. Он прикрыл живот одной рукой и медленно переместил ноги в сторону Фэн Цайцзе, ища чувство безопасности.

Первоначально она хотела разрешить противоречия между отцом и сыном, но теперь это кажется маловероятным, потому что амбиции Фэн Цзяронга не изменились, и она по-прежнему хочет вернуть себе капитал.

На торты это не похоже. Фэн Цайцзе встал перед Се Цяньнин, заслонил ее своим телом, защитил ее и сурово предупредил Фэн Цзяронга: "Если ты посмеешь сдвинуть ее с места, я немедленно оставлю тебя ни с чем. Мое терпение было отполировано".

"Мне нужно только ее 60% капитала. Если ты дашь мне его, я больше не буду тебя беспокоить. Я скажу свои слова и пообещаю вам. Я никогда не нарушаю своих обещаний. Вы это знаете. Не так ли?" Фэн Цзяронг отвел взгляд от Се Цяньнина и снова посмотрел на Фэн Цайцзе, умоляя их отдать 60% акций.

"Мне все равно, сколько значат твои слова. Я только знаю, что эти 60% капитала никогда не

могут быть отданы вам".

"А если мне придется их получить? Даже если вы сместите меня, у меня все равно есть способ сделать вашу жизнь нелегкой. Вместо этого ты можешь отдать их мне. Результат будет наилучшим".

"Ты угрожаешь мне?"

"Я умоляю тебя, пожалуйста, отдай мне эти 60% капитала".

Се Цяньнин услышала подсказки, поэтому она смело спросила: "Папа, ты столкнулся с какими-то трудностями, из-за которых тебе понадобились эти 60% капитала? Почему бы тебе не рассказать о трудностях, и давайте все вместе найдем решение? Хорошо?"

Это было также доброе обращение и заботливые слова, которые заставили Фэн Цзярона почувствовать себя немного тронутым, и внезапно немного захотелось семейной привязанности, но разум сказал ему, что в этом мире никто не может поверить в это, кроме него самого, поэтому он отбросил прикосновение в своем сердце. , сердито ответил: "Моя текущая трудность в том, что мне нужно 60% капитала. Одним словом, дадите вы его или нет?".

"Нет." Фэн Цайцзе ответил решительно, и сразу же прогнал людей, сказав: "Остальная ерунда, не нужно говорить угрожающих слов, вы немедленно уходите от меня сейчас, не приходите больше в будущем, иначе не обвините меня в том, что я пренебрег этой маленькой частичкой Любовь отца и сына?"

"Кизе, ты вынуждаешь меня использовать крайние методы. Я знаю, что у тебя есть возможность защитить свою жену и детей, но можешь ли ты гарантировать, что ничего плохого не случится? С ее беременным животом, ты можешь заставить ее заплатить, просто толкнув ее. Большая цена, готовы ли вы пойти на такой риск?"

"У меня даже не будет возможности позволить тебе подойти к ней".

"Ты знаешь мои методы, не заставляй меня, не важно, что дети в ее животе - мои внуки, я не хочу причинять ей боль, тем более моим внукам, но я ничего не могу поделать, я должен получить этот процент от шестидесяти акций, пожалуйста, не заставляй меня".

"Это ты меня не заставляй, иначе я дам тебе попробовать уличную крысу".

"Ты-ок, подожди меня, хм". Фэн Цзяронг был расстроен, растерян, встревожен и беспомощен, потому что не мог достичь своей цели. Из-за сложного настроения ему было крайне не по себе, поэтому он долго говорил. Я ничего не мог сделать, поэтому мне пришлось уйти первым в гнев.

Однако, выйдя на улицу, я попытался все обдумать, но уже не чувствовал себя таким злым. Мне немного повезло, что я не получил долю сразу. Если он получит капитал сейчас, как он может медлить с Хун Тяньфаном?

Только что он был слишком встревожен, слишком зол и растерян, чтобы заставить Фэн Цайцзе отдать капитал. Подумав об этом сейчас, можно сказать, что это хорошо, что все не удалось.

Недалеко от двери палаты Фэн Цзяронг столкнулся с Хун Тяньфаном. Казалось, что собеседник специально ждал его здесь, шокируя его: "Ты, зачем ты здесь?".

"Конечно, чтобы посмотреть, насколько эффективно ты все делаешь". Хун Тяньфан ответил злой улыбкой, подошел и предупредил его на ухо: "Работай усердно, иначе знаешь, что я сделаю?".

"Они не хотят передавать акции. Что я могу сделать? Сколько бы я ни старался, результата все равно нет".

"На мой взгляд, вы недостаточно много работаете. Вы бесполезны с необычными методами, не так ли?".

"Вы просто подслушали наш разговор".

"Это называется наблюдение. Доставайте свои экстраординарные средства. Не позволяйте мне ждать слишком долго. Мое терпение ограничено. Я не буду ждать и ждать". Хун Тяньфан похлопал Фэн Цзярона по плечу и мрачно улыбнулся. Посмеяться, развернуться и уйти, больше не оставаться.

Он не может оставаться в больнице слишком долго, иначе будет очень плохо, если Фэн Цайцзе узнает.

Фэн Цзяронг стоял на месте, глядя вслед уходящему Хун Тяньфану. Он очень не хотел и желал резать его тысячи раз.

Тысячи ножей и горшков - может быть, он сможет расправиться с Хун Тяньфаном так же, как с отцом Дай Фангронга, ведь мертвые ничего не могут сделать, не так ли?

"Хун Тяньфан, ты сам напросился, никто не винит меня, если только можно обвинить тебя в беспокойстве".

Лучшее решение сейчас - убивать людей. Возможно, Хун Тяньфан не отдаст ему все диски после того, как он передаст 60% своего капитала. Чтобы убедиться, что ничего не пойдет не так, убить его рот - лучший способ. Если Хун Тяньфанг будет убит, ему не нужно будет бороться против своего сына или причинять вред своему внуку. Разве это не лучше?

Если бы Хун Тяньфангу дали 60% капитала, Хун Тяньфанг наступил бы ему на голову, разве ему не было бы еще труднее жить в будущем? Вместо этого, лучше пусть 60% доли капитала останется на ладони Се Цяньнина!

Фэн Цзяронг придумал лучшее решение, счастливо улыбнулся, больше не злился, но злобно смотрел в ту сторону, куда уходил Хун Тяньфан, все более яростно думал в своем сердце, и наконец перестал колебаться, ушел и вернулся к работе. Приготовьтесь к этому.

Не только Хун Тяньфанг умрет, Хун Чэнчжи и Хун Шина не исключение, потому что они, скорее всего, знают о диске, поэтому не смогут его сохранить. Короче говоря, никому из семьи Хун не дано жить.

()